

Фомина Татьяна Юрьевна

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АРХИЕРЕЙСКОЙ ВЛАСТИ С МОНАСТЫРЯМИ (КОНЕЦ X – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII В.)

Вопросы взаимоотношений архиерейской власти с монастырями относятся к числу малоизученных. Анализ исторических источников свидетельствует об ограниченности канонической власти епископов в отношении обителей, основанных князьями, боярами и подвижниками, их значительной автономии в организации внутреннего монастырского уклада и, одновременно, включенности этих уровней церковной организации Руси в политические, социальные и экономические процессы современного им общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 204-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Вопросы взаимоотношений архиерейской власти с монастырями относятся к числу малоизученных. Анализ исторических источников свидетельствует об ограниченности канонической власти епископов в отношении обителей, основанных князьями, боярами и подвижниками, их значительной автономии в организации внутреннего монастырского уклада и, одновременно, включенности этих уровней церковной организации Руси в политические, социальные и экономические процессы современного им общества.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; церковная иерархия; епископы; духовенство; монастыри.

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.

*Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
stal73@yandex.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АРХИЕРЕЙСКОЙ ВЛАСТИ
С МОНАСТЫРЯМИ (КОНЕЦ X – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII В.)©**

История Русской Церкви домонгольского периода является одним из актуальных направлений современных научных исследований. Это связано, вероятно, с возрастающим влиянием Православной Церкви на политические, социальные и духовные процессы в нашем обществе. Казалось бы, за два века пристального внимания к истории Церкви основные тематические направления должны быть во многом исчерпаны. Однако целый круг вопросов нуждается в обстоятельном научном исследовании. В частности, остаются открытыми проблемы взаимоотношений епископата и иночества, причастности архиереев к основанию обителей, степень влияния на их внутренний уклад, включение монастырей в структуру управления епископией.

В дооктябрьский период Е. Е. Голубинским было высказано мнение о существовании в домонгольский период двух классов монастырей – монастыри «собственные» и монастыри «несобственные» (монашеские слободки при приходских церквях) [4, с. 553]. Однако данная классификация не позволяет в полной мере раскрыть проблему формирования взаимоотношений монастырей с архиерейской властью в домонгольский период. При изучении данного вопроса целесообразнее и продуктивнее классифицировать обители по принципу ктиторства, т.е. на основе выявления лиц, выделивших средства на строительство обители и поддерживавших ее существование. В результате данного подхода четко прослеживаются связи монастырей с княжескими и боярскими родами, фиксируются обители, основанные подвижниками-отшельниками, лицами, пришедшими из «мира», как правило, из состоятельных слоев населения, и, наконец, источники свидетельствуют о существовании монастырей, ктиторами которых являются сами архиереи. Так как же складывались взаимоотношения данных типов монастырей с представителями высшей духовной иерархии?

Приступая к изучению данного вопроса, необходимо учитывать, что определить точную численность монастырей в различные периоды развития киевского государства не представляется возможным. Известно, насколько полно источники сохранили сведения о действовавших в то время обителях; не проясняют данного вопроса и археологические данные. Таким образом, мы не только не можем определить численность монастырей, но и в большинстве случаев не имеем сведений об основателях либо ктиторах известных нам обителей домонгольского периода. Е. Е. Голубинский предполагает, что не менее 30-ти монастырей того времени построены князьями, 10 – основаны подвижниками, для 30-ти обителей прояснить данный вопрос невозможно [Там же, с. 566].

Первое упоминание о монахах и монастырях на Руси относится ко времени правления Ярослава Мудрого. Под 1037 г. Повесть временных лет сообщает об основании князем двух обителей «...святаго Георгия манастирь и святяга Орины» [18, с. 97]; примечательно, что монастыри основаны в честь святых покровителей Ярослава, в крещении получившего имя Георгий, и его жены Ингигерды (Ирины), и с этого момента «черноризцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти» [Там же]. В 1062 г. киевский князь Изяслав Ярославич основал Михайловский монастырь [23, с. 134]. Чуть позднее под 1070 г. сообщается о строительстве каменной церкви в Михайловском Выдубицком монастыре князем Всеволодом [8, с. 97]. Таким образом, инициатива создания первых известных нам монастырей принадлежит княжеской власти. Но что представляли собой обители того времени? Е. Е. Голубинский предполагает, что они могли быть общинами, не имеющими монашеского устава, состоящими из братии, не принимавшей пострига в соответствии с каноническими нормами [4, с. 553-557]. Однако подтвердить документальными фактами данное положение достаточно сложно.

Одно остается несомненным – традиция основания монастырей князьями прослеживается до конца изучаемого периода практически во всех русских землях. И что немаловажно, данные монастыри сохраняют устойчивые связи с потомками ктиторов. Так, Федоровская обитель становится местом захоронения убитого в 1147 г. князя Игоря Ольговича «бе бо манастирь отца его и деда Святослава» [18, с. 246; 23, с. 136-137]. В Ирининском монастыре в 1146 г., согласно Ипатьевской летописи, потомок князя Ярослава Святослав Ольгович укрывался от гнева

восставших киевлян [18, с. 227]. В качестве родовой усыпальницы использовался Спасо-Преображенский монастырь, основанный около 1216 г. ярославским князем Всеволодом Константиновичем [17, с. 304].

Не являлась исключением и северо-западная Русь. В изучаемый период в Новгороде князьями были основаны Юрьев (1119 г.) [10, с. 97-98; 12, с. 18; 16, с. 188-189; 19] и Пантелеймонов (1134 г.) [9, с. 20] монастыри. В конце XII – начале XIII в. на территории Новгородской земли князьями были основаны Нередицкий и Михалицкий монастыри. Ктитором первого из них был князь Ярослав Владимирович, а второго, посвященного Рождеству Пресвятой Богородицы, – его жена княгиня Елена. Игуменьей для своей обители она выбрала вдову новгородского посадника Завида Неверонича (Неревинича) [1, с. 30; 16, с. 198]. Создание новгородских княжеских обителей, исходя из анализа их географического положения, помимо благочестивых мотивов могло иметь и меркантильные цели. Монастыри располагались к югу от города, у истока Волхова из озера Ильмень, поэтому есть основания предполагать, что их строительство отвечало, в том числе, экономическим интересам князей, стремившихся повысить свои доходы благодаря уникальному положению Новгорода как пункта транзитной торговли с югом Руси, Византией, Западной Европой и Средней Азией. Таким образом, князьям удавалось обходить традиционный запрет новгородцев иметь земельную собственность.

Не углубляясь в причины создания и механизмы влияния княжеской власти на монастырское общежитие русских обителей изучаемого периода, необходимо отметить, что, выступая ктиторами монастыря, представители княжеского рода могли принимать там постриг, занимая особое положение среди братии [6, с. 131-135; 7, с. 43, 47; 8, с. 92], князья определяли кандидатуры настоятелей и правила общежития [16, с. 188-189; 17, с. 307], использовали их в качестве родовых усыпальниц [15, с. 237-238; 17, с. 303]. Примечательно, что княжеские монастыри строились за пределами русских городов и имели укрепленные стены, следовательно, больше напоминали крепость, чем духовный центр; в этой связи они могли быть укрытием в беспокойное время княжеских усобиц и социальных волнений [18, с. 227]. Обратим внимание, что княжеские монастыри находились на территории архиерейских округов, и при этом с достаточной степенью уверенности можно предположить, что они обладали высокой степенью автономии от епископской власти [3]. На основании сведений исторических источников, удастся проследить связь княжеских монастырей с архиерейскими кафедрами лишь в случаях, когда князья приглашали епископов освятить вновь основанные обители или монастырские храмы [17, с. 307, 309-310], либо владыки принимали участие в погребении представителей княжеской фамилии [18, с. 246; 23, с. 136-137].

Первым известием об основании монастыря на Руси святыми подвижниками, отшельниками относится к 1051 г. Легендарное повествование свидетельствует о возникновении обители на лесистом холме правого берега Днепра, к югу от Киева. Где бывший священник княжеского села Берестова Иларион вырыл себе маленькую пещерку, ставшую местом его аскетических бдений [4, с. 297, 300; 8, с. 83; 9, с. 5-13]. Однако вскоре послушание Илариона было прервано в связи с возведением его в сан киевского митрополита Ярославом Мудрым. Последователем Илариона стал отшельник Антоний, пришедший в Киев с Афона и известный нам как основатель Печерского монастыря [4, с. 746; 9, с. 95].

Как же складывались взаимоотношения обители с архиереями? В данном вопросе можно выделить два аспекта – взаимоотношения монастыря с киевскими митрополитами и с епископами – выходцами из Печерской обители. Характеризуя отношения монастыря с киевскими митрополитами, необходимо отметить, что в источниках они представлены довольно скудно. Вероятно, в период святительства Илариона статус обители мог быть достаточно высоким, исходя из личных взаимоотношений митрополита с игуменом Антонием. Позднее известие 1092 г. сообщает, что «священа бысть церкви святаа Богородица Печерская митрополитом Иоанномъ, при велицем Всеволоди Ярославичи» [7, с. 42]. Важно отметить присутствие на данном событии архиереев – воспитанников монастыря [6, с. 120]. Следовательно, бывшие печерские иноки сохраняли связь с обителью, и митрополиты, по крайней мере в конце XI века, не препятствовали сохранению этого братства. Патерик содержит сведения о не менее чем полутора десятка епископов, вышедших из стен Киево-Печерского монастыря [Там же, с. 124]. Это позволяет рассматривать монастырь как центр подготовки национальных архиерейских кадров. Важен и тот факт, что пришедшие на Русь митрополиты послушно рукополагали «печерцев» в епископский сан при поддержке княжеской власти в различных уголках русской земли. Печерские иноки сохраняли личные связи и отношения с обителью, собирались по значимым в духовной жизни монастыря событиям: для освящения церкви пресвятой Богородицы [Там же, с. 120], перенесения мощей преподобного Антония [17, с. 147]. А в ходе конфликта вышедшего из печерян новгородского владыки Нифонта с киевским митрополитом Киментом Смолытичем обитель поддержала своего воспитанника. В Киево-Печерском монастыре своенравный Нифонт находился в почетном «заточении», пока не был освобожден владимирским князем Юрием Долгоруким [12, с. 409-410]. Таким образом, необходимо отметить особый духовный статус Печерской обители, которая стала первой ступенью в принятии архиерейского сана для значительной части русских епископов. Очевидно, в рассматриваемый период киевский митрополит не обладал властью над игуменами Печерского монастыря. Назначение настоятелей обители и их перемещение зависело от воли братии. Но уже в конце XII в. ситуация изменилась. После смерти архимандрита Поликарпа († 1182) братия избрала на игуменство «попа Василия», а его пострижение и утверждение в должности совершил митр. Никифор в сослужении с туровским и полоцким епископами [1].

К числу обителей, основанных подвижниками, можно отнести монастырь-переселенец, основанный в 1117 г. святым Антонием Римлянином [16, с. 187-189]. Отношения его с новгородскими архиереями были достаточно непростыми. На начальном этапе существования монастыря Антоний, стоя во главе братии,

не рукополагался в игумены новгородскими епископами. Причин для этого было достаточно. С одной стороны, это ирландский монастырь, основанный на средства пришедшего из Европы подвижника, с другой – достаточно независимая, в том числе и в финансовом отношении, от княжеской и владычной власти позиция игумена [5, с. 160; 24, с. 204-206]. Таким образом, только через 25 лет после основания обители при новгородском владыке Нифонте Антоний был рукоположен в игумены основанного им монастыря, что стало признанием авторитета подвижника и его обители или результатом добрых личных отношений игумена с архиепископом [16, с. 6, 189].

Если не принимать во внимание личность Илариона-русина, то основателями первых русских подвижнических монастырей являются выходцы из различных уголков христианского мира (Рима и Афона). Что побуждало их основывать обители в чужом краю, вкладывать в развитие монастыря значительные средства? Можно предположить, что территория Руси того времени представляла собой благоприятную почву для развития монашества, т.к. находилась на начальном этапе христианизации. Это давало значительные возможности для развития обители как духовного центра, что и произошло с Печерским и Антониевым монастырями, и, соответственно, преимущества в создании материальных основ общезжития. Богатство Печерского братства формировалось при участии княжеской власти и пожалований состоятельных граждан, в новгородском монастыре – согласно купчей Антония Римлянина за счет приобретения земель.

Значительный интерес представляют обители, основанные знатными, состоятельными людьми. Наиболее ярко этот процесс прослеживается на примере Великого Новгорода, где основание монастырей происходит при активном участии боярства – привилегированного сословия новгородского общества, его правящей элиты. Представители влиятельнейших родов Новгорода выступали как в качестве ктиторов, так могли принимать постриг и становиться во главе братии. Мы имеем достаточное число известий об основании состоятельными новгородцами монастырей либо строительстве храмов на их территории [7, с. 46, 47; 15, с. 235; 16, с. 186].

Сохранились известия о новгородцах, принявших игуменство в отстроенных ими монастырях: например, новгородка «Полужая Жирошкина дщи» стала во главе основанного ей на Торговой стороне женского Евфимьиного монастыря [15, с. 237]; боярин Алекса Михайлович стал игуменом в Хутыньском монастыре под именем Варлаам [7, с. 47; 16, с. 11]; основателем монастыря пресвятой Богородицы стал игумен Аркадий [16, с. 8]. Таким образом, в Великом Новгороде фиксируется уникальная ситуация, не прослеживаемая в других русских землях, когда значительная часть обителей, церквей, в том числе монастырских, создается на средства состоятельных граждан города.

В чем причина подобного явления? С одной стороны, это, безусловно, благочестивое деяние, с другой – в церковном строительстве мог быть и прагматический интерес. В частности, его можно рассматривать как выгодное вложение капитала, возможность на склоне лет уединиться от мирской суеты; обитель могла служить родовой усыпальницей [22; 25], а крепкие стены монастыря стать надежной защитой в случае нападения князей или волнений в Новгороде. Монастырское подворье могло выступать в качестве склада товаров, перевалочного пункта в транзитной торговле. При этом земли, переданные обители, изымались из налогообложения новгородских земель, но неизвестно, переходили ли они в ведение архиереев. На сегодняшний день остается открытым вопрос: имела ли архиерейская кафедра какие либо права на данные обители? получала ли от них доходы? или ее влияние ограничивалось процедурой поставления игумена (или это было не обязательным требованием) [2, с. 22-42]? Вероятно, ответы на данные вопросы относятся к сфере гипотетических предположений. Мы можем лишь констатировать, что источники сохранили сведения о канонической причастности епископов к поставлению игуменов и освящению монастырских храмов [15, с. 235; 16, с. 11], а с другой стороны, – в стенах новгородских обителей начинают формироваться кадры для возведения на владычную кафедру [7, с. 44; 16, с. 195]. Эта традиция поставления архиереев из игуменов местных монастырей прослеживается и в других русских землях.

Характерна и еще одна тенденция. Архиереи после принятия сана вкладывают средства в создание монастырей либо строят церкви на территории уже основанных обителей. Так, легендарному киевскому митрополиту Михаилу церковная историография приписывает построение Киево-Златоверхого монастыря, а его сподвижникам – основание Межигорского монастыря близ Киева [12, с. 334]. Спасский Берестовский монастырь, вероятно, был основан новгородским епископом Германом. Мануил (Лемешевский), ссылаясь лишь на результаты исследований церковной историографии, указывает, что, по преданию, епископ Герман основал и Петропавловский женский монастырь на Синичей горе в Новгороде [11, с. 336], а Кловский Влахернский монастырь был основан Стефаном, епископом Владимира-Вольнского (1094 г.) [13, с. 47]. С последней трети XII в. заметно активизируется деятельность новгородских владык. Если Успенский монастырь был основан новгородцем Аркадием до принятия епископства, то в период святительства братьев Ильи (Иоанна) и Григория (Гавриила) был создан Благовещенский мужской монастырь, в нем «свершена» церковь «святыя Богородица Благовещение» и «Святых Отец церковь» [7, с. 46; 16, с. 9-11, 194]. Активная деятельность по основанию монастырей продолжается при новгородском владыке Мартирии. Он «заложил святое Воскресение на поле, монастырь» на Мячине [16, с. 12, 13, 197], «поставил церковь камени святого Николая чудотворца, и манастырь устроил» [Там же, с. 197]. В Старой Руссе в Спасском монастыре, где Мартирий был игуменом и строителем, «заложил церковь камени святого Преображение» [Там же, с. 12-13, 198]. Позднее новгородский архиепископ Антоний (Добрыня Ядрейкович) «обложил церковь камени святу Варвару манастырь» [7, с. 48]. Церковная историография приписывает Смоленскому епископу Игнатию II основание Спасского монастыря с храмом в память Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне [11, с. 487],

а Илье полоцкому – передачу княгине Ефросинии Преображенского храма в Сельце для устройства при нем обители [Там же, с. 512]. Таким образом, необходимо отметить, что известия церковных авторов об основании архиереями монастырей не всегда подтверждаются сведениями источников. Но и сохранившиеся материалы не позволяют ответить на целый ряд вопросов: основанные епископами обители и построенные монастырские церкви рассматривались как личная собственность иерарха или воспринимались как часть собственности епископии? Какие права имели архиереи на эти обители? Это могла быть безусловная собственность, права распоряжения имуществом либо управление на условиях получения дохода. Какую роль играли епископские монастыри в осуществлении власти архиереев в своих округах, их материальном обеспечении? Следовательно, данная проблема должна рассматриваться исходя из реалий церковной жизни домонгольского периода с учетом социально-политического статуса епископов, который напрямую зависел от личного авторитета владыки, его взаимоотношений с княжеской властью и киевским митрополитом, а также от имеющихся в его распоряжении материальных ресурсов [21].

Следовательно, инициатива создания обителей в домонгольский период исходит, с одной стороны, от святых подвижников, с другой – от ктиторов, которые определяют место и объем строительства. Постройка монастырей, церквей и различного типа построек на территории монастырей ведется на средства ктиторов (князей, подвижников, состоятельных людей, архиереев) и за счет пожалований мирян. Среди причин основания обителей в изучаемый период прослеживаются благочестивые мотивы, соображения безопасности в беспокойное время, необходимость создания родового духовного центра; нельзя не учитывать и материальные интересы ктиторов.

В отношении поставления настоятелей обителей можно выделить две традиции – избрание кандидатуры братией и назначение игумена ктиторм. В изучаемый период известны случаи, когда ктитормы, при условии принятия монашества, лично возглавляют братию. На примере Киево-Печерского и Антониева монастырей в ходе выборов игумена известны попытки вмешательства во внутренние дела монастыря со стороны княжеской и архиерейской власти. Поэтому возникает вопрос: если в отношении епископских монастырей вопрос юрисдикции можно считать во многом решенным, по крайней мере, на период владычества основателя, то какова степень канонической зависимости княжеских, боярских и прочих обителей от архиереев? Нам доподлинно неизвестно, была ли инвеститура для монашествующих необходимым условием при вступлении в игуменский сан в реалиях XI – первой трети XIII в. Вероятно, ситуация была весьма сложной и зависела от степени канонической грамотности представителей церковной иерархии Руси. Однако и отказы от поставления в игумены со стороны архиереев нам неизвестны. Несомненно, при любых условиях степень самостоятельности деятельности и принятия решений игуменов была ограничена либо волей братии (или внешних влияний), либо ктитормы (в лице князя, боярина, епископа). Вероятно, не было единства и в правилах, регулирующих жизнь братии [1]. Все это свидетельствует о каноническом плюрализме того времени, который можно объяснить незрелостью русской церковной организации. При этом необходимо учитывать активную включенность монастырей Руси в политические, социальные и экономические процессы современного им общества.

Список литературы

1. **Быхова М. И.** Монастыри на Руси XI – середины XIV века // Монашество и монастыри в России. XI-XX века: исторические очерки. М., 2002. С. 25-56.
2. **Гайденко П. И.** О некоторых пределах епископской власти в домонгольской Руси // Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 22-42.
3. **Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.** Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23) Ч. II. С. 38-44.
4. **Голубинский Е. Е.** История Русской Церкви. М., 2002. Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. 802 с.
5. **Грамоты Великого Новгорода и Пскова** / подгот. к печ. В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыдзевская; под ред. С. Н. Валка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
6. **Киево-Печерский Патерик** // Древнерусские патерики / изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 119-185.
7. **Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.** М., 2000. 240 с.
8. **Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.** М., 2000. 288 с.
9. **Макарий (Булгаков), митр.** История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988-1240). М., 1995. Кн. 2. 704 с.
10. **Макарий (Миролюбов), архим.** Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. 420 с.
11. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 1. 543 с.
12. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 2. 607 с.
13. **Мануил (Лемешевский), митр.** Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 3. 487 с.
14. **Мусин А. Е.** Социальные аспекты истории древнерусской церкви по данным новгородских берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 102-124.
15. **Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.** Рязань, 2001. 639 с.
16. **Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи)** / пригот. к изд. А. Ф. Бычков. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1879. XXIV+488+116 с.

17. **Полное собрание русских летописей** / под общ. ред. Е. Ф. Карского. 2-е изд-е. Л., 1926-1928. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1-3. 379 с.
18. **Полное собрание русских летописей** / под ред. А. А. Шахматова. 2-е изд-е. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. XVI+938+87 с.
19. **Срезневский И. И.** Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.). СПб., 1860. 39 с.
20. **Стефанович П. С.** Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 2007. № 1. С. 117-133.
21. **Фомина Т. Ю.** Епископская власть в домонгольской Руси: постановка проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (130). С. 118-122.
22. **Хорошев А. С.** Боярское строительство в Новгородском монастыре // Вестник МГУ. Серия «История». 1966. № 2. С. 77-82.
23. **Щапов Я. Н.** Государство и церковь Древней Руси в X-XIII вв. М.: Наука, 1989. 231 с.
24. **Янин В. Л.** Новгородские акты XII-XV вв.: хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 384 с.
25. **Янин В. Л.** Новгородские посадники. М., 1962. 410 с.

FEATURES OF RELATIONSHIPS BETWEEN BISHOP'S AUTHORITY AND MONASTERIES (THE END OF THE XTH – THE FIRST THIRD OF THE XIIITH CENTURY)

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History
Naberezhnye Chelny Institute of Social Pedagogical Technologies and Resources
stal73@yandex.ru

The questions of relationships between bishop's authority and monasteries are among little-studied. The analysis of historical sources bears evidence about the limitations of bishop's canonical authority in relation to the monasteries founded by princes, boyars and ascetics, their considerable autonomy in the organization of internal monastic life and, at the same time, the inclusion of these levels of the church organization of Rus into the political, social and economic processes of the society contemporary to them.

Key words and phrases: Ancient Rus; church hierarchy; bishops; clergy; monasteries.

УДК 31

Социологические науки

В статье рассматривается роль физической культуры и спорта в формировании здоровья населения. На материалах социологического исследования выявляются отношение, установки и ценностные ориентации населения относительно наиболее важных проблем формирования здоровья человека, в частности, и общества, в целом. Особое внимание уделено значимым факторам, лежащим в основе отношения к проблеме здоровья. В заключение выявлены основные из них, негативно сказывающиеся на состоянии здоровья и здоровом образе жизни, а также выведен ряд рекомендаций, способствующих выходу из сложившейся ситуации.

Ключевые слова и фразы: физическая культура; спорт; здоровый образ жизни; здоровье; духовность; социальная политика.

Хамидуллин Ренат Фирдаусович

Бакирский государственный университет

HFRenat87@mail.ru

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ©

В результате всеобщей автоматизации производства и научно-технического прогресса уменьшилась двигательная активность человека, что, естественно, негативно отражается на его здоровье. Возник своего рода парадокс: условия жизни становятся более благоприятными, а показатели здоровья постоянно ухудшаются из года в год. Отмеченная социальная проблема, связанная с ухудшением здоровья, значительно обостряет вопросы формирования физической культуры в общей культуре и жизненных установках современных россиян в контексте поиска результативных средств и технологий по выходу из сложившейся ситуации. Следовательно, она нуждается в изучении и комплексном анализе.

Повышенный общественный интерес к физической культуре и спорту также обусловлен критической ситуацией со здоровьем населения, экономическим развитием страны, охраной здоровья, детской беспризорностью, преступностью, бедностью, как материальной, так и духовной.

На сегодняшний день физический потенциал граждан современной России существенно отстает от передовых стран, общественная система духовного, нравственного и физического развития которых используется